

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	11
ТЕТРАДЬ I. Журнализм	15
Глава 1 (вводная). Больше чем журналистика	15
Глава 2. Гиперреальность и журнализм	24
Глава 3. Феномен честности и «героический тип»	31
Глава 4. «Власть» и легитимность журналиста	42
Глава 5. Авторское «я» и проблема ангажированности	54
ТЕТРАДЬ II. Отношения журналистики	61
Глава 6. Импульс высказывания, журналистское высказывание	61
Глава 7. Жизнь высказываний: коммуникация и дискурс	71
Глава 8. Высказывание в роли события	78
Глава 9. Суждение и публицистика. Точка «ноль»	84
ТЕТРАДЬ III. Карты журналистики (дискурсивные практики)	93
Глава 10. По ту сторону журналистики: информационная война	93
Глава 11. Замкнутые дискурсивные контуры	104
Глава 12. Коммуникативный разум	114
Глава 13. Закон убывания смысла высказываний	126
Глава 14. «Произведение». Очерк и расследование (журналистика конфликта)	135
ТЕТРАДЬ IV. Карты медиа и «контент»	145
Глава 15. Образование медиа: топос	145
Глава 16. Карты журналистики. Экспансия желтых ...	153
Глава 17. «Двойная сплошная»	168
Глава 18. Унавоживание «контента»	178

Глава 19. Матрица «СМИ» и возникновение видов . . .	188
Глава 20. Коллегия и «коллеги»	202
ТЕТРАДЬ V (неоконченная).	
Историческая роль и ответственность журналиста . .	213
Глава 21. Журналист как историк	213
ПОСЛЕСЛОВИЕ	225
СВЕТЛАНА ШАЙХИТДИНОВА	
Журнализм и журналистика	
Леонида Никитинского	231

СТРУКТУРА И КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

«КОНСПЕКТОВ»

Тетрадь I. Журнализм	15
Глава 1. Больше чем журналистика	15
Введение и общие понятия. Действительность: рамка подлинности и актуальности. «Сейчас» как История. Командировка: угол зрения и образ жизни. Журналистика как форма реализации свободы.	
Глава 2. Гиперреальность и журнализм	24
Пропаганда: первая древнейшая. Смысловое пространство. Симулякры и онтологический ряд. Факты, которым нельзя придать значение, отличное от их собственного. Журнализм как ядро журналистики. Критичность высказываний. «Разоблачение» и демифологизация массового сознания.	
Глава 3. Феномен честности и «героический тип»	31
Тип личности «журналист». История Саши К. из Магнитогорска. Мотивация журнализма и сложная дробь. Феномен честности: неконформизм и «героический тип».	
Глава 4. «Власть» и легитимность журналиста	42
Порочность метафоры четвертой власти. Легитимация журналиста «через верх» и в системе выборной демократии. Право задать вопрос. Самолегитимность журналиста и паррезия Фуко. «Я» как доказательство в журналистике.	
Глава 5. Авторское «я» и проблема ангажированности	54
Собственная позиция и сознание ангажированности. Процедуры и стандарты. Парадокс правозащитника и проблема «заказухи».	
Тетрадь II. Отношения журналистики	61
Глава 6. Импульс высказывания, журналистское высказывание	61
Общее определение. Источники журналистских и родственных высказываний, «полуфабрикаты». Лавина высказываний: «пена» и «галька». Высказывания и сообщения (власти). Спонтанность как свойство высказывания.	
Глава 7. Жизнь высказываний: коммуникация и дискурс	71
Высказывание и «информация». Сцепления высказываний. «Публика» как вторая и необходимая часть журналистики.	

Отношения журналистики и ноосфера. Дискурс (проговаривание самого себя) и процесс формирования личности и нации.

Глава 8. Высказывание в роли события 78

Что такое «на самом деле»? Роль журналистики и пропаганды в генерации событий. Факт как новость и «сухой остаток». Медиасобытие. Ценностное окрашивание событий.

Глава 9. Суждение и публицистика. Точка «ноль» 84

Нравственность и опасность суждения. Ханна Аренд — журналист. «Мускулы культуры» Мераба Мамардашвили и роль медиа. Разделение чувства ответственности. Точка «ноль», суждение как бремя и «дурная публицистика».

ТЕТРАДЬ III. КАРТЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

(ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ) 93

Глава 10. По ту сторону журналистики:

информационная война 93

Одна война — две реальности. Между «предательством родины» и изменой профессии. Нонкомбатант — продолжение принципа невмешательства. Линии фронта в ноосфере.

Глава 11. Замкнутые дискурсивные контуры 104

Обособление смысловых потоков в сетевом обществе. Фейки и мифологемы, фактчекинг. «Археология знания» (Фуко), рациональная и мифологическая дискурсивные практики. Страна «Фейсбук» и страна «ВКонтакте».

Глава 12. Коммуникативный разум 114

«Жаргон подлинности» (идеология) Теодора Адорно и коммуникативный разум Юргена Хабермаса как процесс достижения согласия. Этика и правила дискурса, попытки и пути его возобновления и примеры. Назад к «фактам».

Глава 13. Закон убывания смысла высказываний 126

«Глобальная деревня». Режим life как причина «остывания фактов». Отрыв комментариев от фактов и утрата подлинности. «Страна колумнистов», пустота суждения и значение молчания.

Глава 14. «Произведение». Очерк и расследование

(журналистика конфликта). 135

Центральный конфликт журналистики: человек и власть. Процесс создания произведения: тема, факты, детали и доказательства. Антропоцентризм журналистики. Болезнь «Большого города».

ТЕТРАДЬ IV. КАРТЫ МЕДИА И «КОНТЕНТ».	145
Глава 15. Образование медиа: топос.	145
Свободное обращение высказываний и журналистика вне «СМИ». Платформы коммуникаций. Первичность журналистики по отношению к медиа. Горизонтальный характер коммуникации, миграции журналистов и отношений журналистики: возникновение и трансформации смысловых «островов» (топосов).	
Глава 16. Карты журналистики. Экспансия желтых.	153
Социальное, политическое, журналистика и пропаганда. «Информация» в понимании респондентов анкет: Media & Entertainment. Инфотеймент: шум и сопутствующие товары. Журналист Чехов: «Кто-нибудь с молоточком».	
Глава 17. «Двойная сплошная».	168
Диалектика насилия и дискурса. Мартиролог медиа. Неопределенный характер запретительных мер и муравьиный разум бюрократии. «Правила игры».	
Глава 18. Унавоживание «контента».	178
Исследование контента региональных «СМИ». «Договоры об информационном обслуживании» как специфическая форма коррупции. Доклад президенту и последствия его для журналистского сообщества.	
Глава 19. Матрица «СМИ» и возникновение видов.	188
Раскол общего корня на журналистику, таблоид и пропаганду. Соотношение между ними. «СМИ» как средство. Деструкция термина «СМИ». «Медиабизнес». Цена свободы слова.	
Глава 20. Коллегия и «коллеги».	202
Общественная коллегия по жалобам на прессу и стандарты профессии. Английский и российский опыт саморегулирования, основания легитимности. Состояние сообщества и борьба за звание «журналист».	
ТЕТРАДЬ V (НЕОКОНЧЕННАЯ). ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ	
И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА	213
Глава 21. Журналист как историк и неpolitик.	213
Первоисторик. Принцип невмешательства и фактические последствия публикаций. «-Гейты». Невменение последствий по признаку не результата, но мотива (Иммануил Кант). Вес слова.	

Установить, что есть на самом деле, нам удастся, если мы построим для этого текст.

Мераб Мамардашвили

Геродот из Геликарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они воевали друг с другом.

Геродот

ОТ АВТОРА

Пока я долго писал и переписывал эту книжку, Оксфордский словарь признал словом 2016 года (частота его употребления резко выросла после выхода Великобритании из ЕС и выборов президента США) «постправду» (*the Post-truth*). Я бы даже перевел это как *послеправдие* — такое историческое состояние, в котором правда оказалась как бы уже позади, а сегодня и дальше ее нет и не будет.

А вот последняя правка, которую я вношу в эту рукопись 28 марта 2017 года, перед тем как отправить ее в издательство, но она настолько важна, что пару абзацев необходимо добавить в начале книги, а не в конце. Позавчера, в воскресенье 26 марта, тысячи детей 14—18 лет вышли на улицы многих городов России на неразрешенные митинги. Официальные телеканалы обошли это событие молчанием, но журналисты, сохранившие уважение к профессии, вчера уже успели расспросить юных протестантов, что вывело их на улицы. Их ответы, непохожие друг на друга, сходились в одном: «Мы не хотим врать».

Мы не знаем, что будет дальше, но я говорю этим детям спасибо: вся эта книжка, которую я писал и переписывал в течение последних полутора лет, об этом — *о правде и лжи*. Правда в каком-то высшем смысле, может быть, нам и неизвестна, и на этом поле еще можно как-то поиграть словами, но ложь — простая штука, и всем понятно, что́ она есть и где она есть. Рассказывайте детям, что правды на самом деле больше не существует... Они ответят, у них время еще есть.

Журналистика как раз об этом, и нет, наверное, другой профессии, которую бы это так задевало. Странный спикер российской власти в области «СМИ» Алексей Волин вслед за Рупертом Мердоком не устает повторять, что журналистика как профессия умерла, а мы просто обслуживающий персонал медиаиндустрии. Это утверждение в действительности синоним Post-truth. Если правда осталась в прошлом, то там же вместе с нею сгнула и журналистика. Но это «если», и это можно обсуждать.

В этой книжке я попытаюсь доказать обратный тезис: *где нет журналистики, там не может быть и правды*. Без журналистики общество лишается главного инструмента, при помощи которого правду о себе самом (об обществе) для начала вообще можно вытащить из хаоса налезавших друг на друга эмпирических (исторических) событий.

Мой взгляд не совпадает с основным трендом: исследователи сферы медиа озабочены сегодня прежде всего возможностью манипулировать с помощью «СМИ» общественным сознанием. Этому, в частности, посвящена наиболее фундаментальная из последних вышедших на русском языке книг — «Власть коммуникации» Мануэля Кастельса (р. 1942, Испания — США). Однако, замороженные этой угрозой (отнюдь не мнимой), большинство исследователей перестают различать внутри медиа журналистику, которую они к тому же не отличают от пропаганды. Кастельс забывает, о чем сам же и рассказывает нам в предисловии к своему труду: в 1960 году, еще первокурсником университета, он обходил кинотеатры Барселоны, оставляя в темноте на соседних сиденьях листовки с призывами к свержению капитализма...

Еще не читав Кастельса, я убеждал Людмилу Алексееву — легендарную машинистку Московской Хельсинкской группы, что их деятельность по сбору сведений о политических заключенных в СССР, нелегальному изданию и распространению в самиздате «Хроники текущих событий» (первый номер она напечатала в четырех копиях в 1968 году), по сути, была журналистикой. Людмила Михайловна, подумав, сказала, что, отправляясь в тюрьму или изгнание, они никогда не рассматривали себя с этой точки зрения, но все же согласилась, ведь не тираж и не способ распространения оказываются тут определяющими признаками.

Дело в мотивах *высказываний*, и это те самые человеческие мотивы, которые создают журналистику и воспроизводят ее часто даже *вопреки медиа*. Если бы Кастельс не был таким умным и не стал ученым, он, возможно, как и я, оказался бы журналистом и тогда понимал бы более отчетливо, что *журналистика и медиа далеко не одно и то же*.

А черновик этой книжки я заканчивал в августе 2016 года с видом на море. Утром я купался, потом весь день работал, а вечером мы с женой шли на набережную, чтобы купить на ужин чебуреков — они были вкусней, чем в ресторане, не говоря уже о ценах. Там был такой киоск с жаровней, у которого всегда собиралась очередь, а внутри, весь в белом, колдовал Сурен. Чтобы не пачкать руки, он кивал покупателям на блюдо, которое берегло лежавшие под ним купюры от порывов ветра с моря, и тот, чья очередь подходила, сглатывая слюну, сам подсовывал свою сотенную, выгребая из блюда сдачу. В каждом движении Сурена, склеивал ли он будущий чебурек или ловко выхватывал его щипцами из кипящего масла, и в том, как он вам улыбался и шутил, было нечто большее, чем просто сноровка, — *уважение к профессии*.

В том мире постмодерна, который я собираюсь описывать дальше, это, возможно, то последнее, за что мы можем уцепиться, как Рене Декарт в свое время смог уцепиться за своего Субъекта: раз я управляю своей мыслью хоть в какой-то мере, значит я есть, и все остальное, видимо, тоже не лишено какого-то смысла. А если можно уважать профессию, то в ней можно уважать себя, а там и остальных, если они тоже уважают свою. Это же так ясно, в отличие от всего прочего. О профессии и речь — только-то и всего.

ТЕТРАДЬ I. ЖУРНАЛИЗМ

ГЛАВА I (ВВОДНАЯ).

БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖУРНАЛИСТИКА

Когда мне было лет на шестьдесят меньше, чем теперь, я думал, что стану писателем. Не знаю, откуда я это взял, наверное, мне просто нравились буквы. А когда годам к тридцати стать писателем мне так и не удалось, но рука на буквы у меня оказалась уже набита, я начал дрейфовать из юридической науки, куда меня занесло скорее по наследственности, в журналистику. Тогда я думал, что литература и журналистика почти одно и то же, ведь там и тут материал — это буквы. Мне повезло стать писателем уже в более позднем возрасте, и благодаря этому опыту я хорошо понимаю разницу между журналистикой и литературой.

Литература создает (если это еще получится) и описывает вымышленный мир, хотя делает это по тем же правилам, как если бы он был настоящий. В журналистике, напротив, выдумке места нет, она по определению описывает мир действительного, non-fiction. В этом смысле к журналистике я отношу также документальное кино, дневники и мемуары — в той мере, в какой они обладают неподдельностью старых, пожелтевших фотографий.

Как журналист, я фанат и слуга действительности, какова бы она ни была, и враг искажения и ухода от действительности, чем бы это ни мотивировалось.

Действительность (время действия) образуется на пересечении *подлинности* и *современности* (актуальности). В другой книжке, гораздо более умной, чем эта, я вычитал, что понятие *modernité* (современность — *фр.*) появилось в середине XIX века, и вроде бы его придумал поэт Шарль Бодлер. До эпохи модерна уже было прилагательное «современный» (*moderne*), но «настоящее» человек Запада

понимал как исчезающее мгновение, что правильно «физически», но не позволяет разглядеть время действия: пока вы дочитывали эту фразу, оно уже миновало, и действительность куда-то исчезла, не оставив даже возможности ее отрефлексировать.

Так можно мыслить, когда время течет медленно, но в модерне оно ускоряется, а в постмодерне его движение и вовсе перестает быть линейным. Поэтому «современность» должна быть понята как растянутое «сейчас». «Сейчас» вобрало в себя состоявшееся прошлое — как основание того, что еще только может произойти в будущем. Многое из прошлого снова оказывается актуально, но многое в настоящем — «архаика», и попытки это актуализировать порождают только фейк.

Современно то, что привязано к «сейчас», когда еще не поздно что-то сделать. В этом пространстве и работает журналист: точка в дпящемся «сейчас» — главная для него, хотя в рамках высказывания она приобретает вид «вчера» или «только что».

Чем дальше текст (любое высказывание) уходит из рамки, образуемой границами подлинности и современности, тем менее он относится к журналистике, а сама она становится жиже, пока за какой-то чертой, не всегда различимой, не превращается в собственную противоположность.

Уход от действительности, или эскапизм, которому противостоит журналистика (и это ее важнейшая функция), возможен как по линии искажения фактов, так и по линии отказа от современности. Второе представляет собой сегодня самую большую угрозу для журналистики: «человек играющий» (к чему его подталкивают современные технические средства) выпадает в какое-то другое, внеисторическое, время, где настоящее перестает быть временем действия. Так же работает и феномен «внутренней эмиграции», который на самом деле тоже игра.

Журналистика же всегда старается вернуть человека в действительность, когда «нельзя спать» (так Мамардашвили цитирует Декарта), и это ее качество далеко не всегда и не всем нравится. Журналист — это не просто роль, это и бремя: бывает, что оставаться журналистом не хочется.

Программа «Анонимных Алкоголиков», например, говорит о «неумолимой честности» — необходимом условии, без которого эти несчастные не смогут бросить пить. Это странная штука — она ведь не запрещает дурные поступки и лживые высказывания, она не позволяет их только рационализировать, называя ложь как-то по-другому. Такова же и журналистика — она и собственному названию соответствует ровно настолько, насколько называет все вещи своими именами. Журналистика — это то, что вам не понравится. Это горькое лекарство, но обществу оно необходимо.

В второй половине XX и в начале XXI века появился целый ряд фундаментальных трудов, осмысляющих информационное (массовое) общество и медиа. Однако уважаемые профессора (Маршалл Маклюэн, Мануэль Кастельс и др.), точно ухватывая проблему искажения действительности в медиа, перестают различать внутри них *журналиста*. Некоторые из этих трудов я даже осилил и буду на них ссылаться. Но эта книжка отнюдь не научная, она субъективная и именно апологетическая. Мне просто захотелось самому разобраться, чем я занимался всю вторую половину своей жизни. Я стал читать книжки по философии, остался в ней дилетантом, зато понял, что все, что мне рассказывают об этом профессора, меня не устраивает. Перед этими уважаемыми учеными у меня есть только одно преимущество: я журналист и вижу проблему с этой стороны. Но как всякий (и всегда) журналист, я беспристрастен: я предан своей профессии и буду ее защищать.

С другой стороны, это и попытка убедить себя, что все, чем я занимался последние тридцать лет, не было напрасным. Ну, несколько человек мне удалось вытащить из тюрьмы, а моими газетными заметками, наверное, можно оклеить под обои хорошую трехэтажную виллу, которой у меня нет. А что в итоге, в чем был смысл этой *командировки*?

Командировка — очень важная часть жизни журналиста, и она необязательно куда-то далеко. Можно оставаться в редакции, но и здесь рассматривать любую тему (историю) как бы глазами «иностранца», странника. Ты все время

пытаешься увидеть чужой край действительности и выпадаешь из своей собственной. Искушение вылезти из зала на сцену (как в рассказе старшего Драгунского «Сражение у чистой речки») возникает постоянно, но журналисту этого делать нельзя, это противоречит его роли наблюдателя, пусть и сочувствующего одной из сторон. Если ты разглядываешь чужую действительность день за днем, да еще пропускаешь это через процедуру сомнения, получается, что ты все время в командировке, а своего дома у тебя как бы и нет, есть только гостиница, где можно встретиться с родными и набраться сил. Журналист часто живет своей жизнью по остаточному принципу, хотя всем представителям этой по факту в основном «женской» профессии хотелось бы пожелать лучшего.

Чтобы избежать слова «миссия» (пафос журналистике абсолютно противопоказан), будем говорить, что мы в командировке. Тут главная проблема — подушки: не во всех гостиницах они удобные, но это как-то перекликается и с тем, что «нельзя спать». Мы все в командировке, хотя задание нам не всегда сформулировано отчетливо. Тогда эта книжка — отчет о командировке, который ведь тоже кому-то обязательно придется представить. Но пока он, разумеется, вчерне.

В последнее время мне часто приходится говорить о журналистике с разными людьми. Девушки видят в ней обещание легкой славы, которую дарит экран телевизора или теперь компьютера, стоит лишь там появиться, а иные и выдавшие виды мужи чаще говорят: «Ну и мерзость эта ваша журналистика!» В обоих случаях здесь просто ошибка в термине, и вовсе не о журналистике речь. Приходится всякий раз объяснять, что это такое, хотя тут и объяснять-то, казалось бы, нечего.

Из этих встреч, лекций и дискуссий и родилась эта книжка, сохранившая в себе как родовую травму некоторую расплывенность, повторы и необязательность, свойственные устной речи. У меня не получается это исправить, ведь ученым, как и писателем, на постоянной основе я так и не стал. По сути, это более или менее приведенные в порядок конспекты лекций и устных выступлений, которые, впрочем, никогда

не излагались и вряд ли могут быть изложены в том порядке, в каком они теперь здесь записаны, и лишь для удобства пользования рассредоточены по главам.

Эта книжка вторая. Первую («Завтрашний номер. Философия журналистики». М., 2013) с учетом меняющейся реальности я решил было немного подправить, а в результате от нее осталось только одна фраза — вы ее уже прочли: «в завтрашний номер». В журналистике самоцитаты удаются редко. Здесь ты всегда все видишь уже другими глазами, все надо переписывать с чистого листа. Невозможно переписать только историю — ведь нельзя сделать бывшее небывшим. Попробуйте-ка переписать историю самого себя. Ну ведь вы же ее знаете!.. Тогда кто вам сказал, что можно переписать историю всех остальных? А журналист — это и есть историк, но сегодняшнего, которое уже куда-то уходит, продолжая длиться.

«Газета живет один день» — мне не удалось, к сожалению, установить авторство этого афоризма («Гугл» норовит рассказать про аналогичное насекомое), но это высказывание крайне важно. В нем есть и скромность, и самоирония, но и понимание того, что этот день точно так же принадлежит истории, как и любой другой, что современность и вечность пересекаются как раз в той точке, где появляется *новость*: факт, вписанный в какую-то историю или цепочку актуальности, — и рефлекслирующая ее журналистика.

В этом смысле журналистика всегда *больше чем журналистика* — она механизм общественной рефлексии, коммуникативный разум (подробнее об этом мы поговорим в следующих главах), она тот самый *текст* (в широком смысле слова), та самая *структура* и *дискурс* (подробнее о нем также в свое время), которые надо построить, чтобы человек и общество не утонули в энтропии и поняли сами себя, *какие они есть*.

Я отнюдь не наивен, работал во многих «СМИ», со многими и всякие-разные видел трансформации, да и сам тоже не ангел. Сегодня далеко не лучшее время для журналистики, и сейчас она существует, пожалуй, в виде ископаемого динозавра. Это дает замминистра связи и массовых коммуникаций Алексею Волину основания говорить о том, что

«журналистики как таковой в XXI веке больше не существует»: «...теперь она является составным элементом медиабизнеса» (из его выступления на конференции на журфаке МГУ «Медиапрофессии 21 века» 21 июня 2016 года).

Возможно, ему — чиновнику странной искренности — просто хотелось бы так думать. И он, и я, и студенты журфака, которым профессор Иосиф Дзялошинский много лет задает один и тот же вопрос, требуя эссе на тему «В чем обвиняют журналистику?», отлично понимаем, и в каком состоянии она сегодня находится, и что выпускникам журфака, вероятнее всего, в ближайшие годы придется заниматься не ею. Но те импульсы, которые вызывают к жизни и развивают журналистику — как *одну из многих форм реализации человеческой свободы*, — нигде не исчезали и не исчезнут. Они заложены в природе человека, а следовательно, и общества.

В записных книжках Бориса Стругацкого, которые мой сегодня главный редактор Дмитрий Муратов листал после его смерти, он нашел запись: «Будущее создаешь ты... Но не для тебя». Поэтому в виде второго заголовка я сохранил и название той первой своей, еще довольно легкомысленной, книжки «Завтрашний номер». Вчерашний номер газеты — это то, во что заворачивают селедку, его можно уже только обсуждать, чтобы понять, что мы сделали не так. Но жизнь продолжается, и журналисты продолжают писать всегда *в завтрашний номер*.

В книге я буду приводить примеры своих и чужих высказываний, и в той мере, в какой они были журналистскими, они также остаются и «политическими». Они все еще актуальны (а иначе и пересказывать их не имело бы смысла), но я против того, чтобы сама эта книжка рассматривалась как *политическое высказывание*. Политика преходяща, политики сменяют друг друга, да и сами государства тоже появляются, перерождаются и исчезают. А мы будем говорить о журналистике как о современной форме такого более общего явления, которое было, есть и будет в любом обществе. Оно обладает собственной преемственностью, горизонт которой длиннее, чем зигзаги развития исторических стран.

Но и в актуальности тоже есть своя перспектива, как в пространстве: что-то в данный момент выходит на первый план, а что-то, ослабевая в актуальности, вытесняется на периферию (в газете — с первой полосы на внутренние). После событий 2014 года на Украине и появления «Панамского архива» и мир, и описывающая его журналистика не могут оставаться прежними — меняются и темы, и способы работы над ними.

Главная проблема сегодня состоит в том, что мы не слышим друг друга, чему, как ни странно, очень поспособствовал интернет (о проблеме замкнутых смысловых контуров мы поговорим специально в главе 11). В действительности мы и не спорим, потому что, чтобы спорить, надо сначала услышать. Этим грешат отнюдь не только те, кто думает не так, как мы сами, но и мы сами тоже.

Наверное, мне будут предъявлять претензии, что книжка «написана исключительно с либеральных позиций». Но штука в том, что журналистика *либеральна как таковая*, и никакой другой она быть просто не может. Она порождение либерального (западного) общества и по определению несет на себе печать либеральных традиций, а свобода слова, лежащая в основе журнализма, неотделима от свободы как таковой.

Но есть «свобода от» и «свобода для», свобода отвернуться, бежать, но и свобода остаться. «Свобода от» превращается таким образом в «бегство от свободы» (Эрих Фромм), а «свободой для» в крайнем пределе воспользовался Януш Корчак, шагнув в газовую камеру вместе с детьми. Действительность часто бывает не просто отвратительна, но и страшна, и никто не вправе ни от кого требовать подвига как акта свободной воли. Но и свобода остаться, чтобы попытаться что-то изменить, тоже всегда есть, однако, чтобы ее реализовать, нужно стоять двумя ногами в действительности.

Отец Георгий Чистяков (1953–2007), с которым мне посчастливилось быть знакомым, священник, историк и знаток древних и новых языков, иллюстрируя разницу между каноническими Евангелиями и апокрифами в книжке «Над строками Нового Завета», замечает, что все апокрифы содержат

в себе элементы «пропаганды» (я ставлю кавычки, поскольку он употребляет для этого другие термины): в пользу евреев против Рима или наоборот. В этом смысле можно сказать (жаль, что я не успел обсудить это с о. Георгием), что во всяком случае Матфей, присутствовавший при описываемых им событиях, это древний журналист, старавшийся записать все так, как он это видел и понял (придавая значение, может быть, не всегда тому, чему его придал бы современный человек). Похоже, что первые синоптические Евангелия, написанные не сразу после смерти (и воскресения — для тех кто в это верит) Иисуса, как раз и были продиктованы желанием защитить Его имя и задокументировать подлинную историю в ответ на начавшиеся спекуляции.

«Вначале было Слово», — напишет чуть позже Иоанн. Но и потом будет много-много-много слов. Только в отношении первого сомнений быть не может, но все, что будет сказано позже, сомнительно. Истину от лжи очень трудно отличить, замечает Мераб Мамардашвили, так как «слова, которыми они описываются, всегда одни и те же». Слова необратимо страдают каким-то изъяном, особенно заметным в том свете истины, за который мы к тому же часто принимаем искусственное освещение.

Примеры, которые я буду приводить в книжке — хотя бы в силу того, что журналист привык работать с фактическим (эмпирическим) материалом, — будут случайны в том смысле, в каком случайна всякая эмпирика: где-то я был, где-то не был, кого-то знаю близко, кого-то шапочно, что-то прочел, а что-то прошло мимо меня. Я надеюсь, что не случайными окажутся мысли, поскольку я их уже долго думаю.

Вот что пишет новомодный (при этом глубокий и остроумный) современный философ Славой Жижек (вообще-то, я понимаю там, дай бог, четверть прочитанного, но эта мысль мне ясна): «Главная функция Хозяина состоит в том, чтобы определить ложь, способную поддерживать групповое единство: удивить субъектов утверждением, которое в явном виде противоречит фактам... Недостаточно утверждать “Это моя страна, права она или нет!”: моя страна — по-настоящему

моя, лишь покуда она, в определенном отношении, *неправа*... Общая для всех ложь — связь несравненно более действенная, чем правда».

Очень верно, но стоит ли дорожить такой «скрепой»? Это вопрос.

В том романе про присяжных, который мне все же удался десять лет назад, сама собой нашлась удачная формула, она скорее художественная, но я ее здесь воспроизведу: не так, что мы хотим знать правду (чаще всего мы этого вовсе не хотим), а *правда хочет быть узнанной*. Не она является нашим инструментом, а наоборот: мы — ее.

Забегая вперед (эта тема будет раскрыта ближе к концу книги), мы можем определить род своей деятельности как *борьбу за правду, которая как таковая никому не нужна*. Она всегда оказывается нужной кому-то для чего-то, но как только появляется это «для чего?», оно сразу же отнимает у нее это качество правды. Этот вывод был бы очень горек, если бы не одно но: правда все-таки существует — а без нее и журналистика не могла бы существовать, и я бы не смог вам здесь о ней сообщить вообще ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru